

Анатолий Мерзлов

ПАТТЕРАН

Анатолий Мерзлов

Паттеран

«Автор»

2026

Мерзлов А. А.

Паттеран / А. А. Мерзлов — «Автор», 2026

Аннотация В преобладании своем, мы живем в закрытой от внешнего мира оболочке, стараясь не замечать отклонений от принятой для себя нормы, порой, понимая, все же миримся с негативом и бескультурьем окружающим нас. Поистине: горе обухом не перешибешь, тем более в одиночку. А ведь только сообществом личностей, одинаково толкующих моральные ценности, противопоставляется сила, способная создать противодействие злу. В своей повести Анатолий Мерзлов открывает нам мир тихих незаметных людей, живущих среди нас, и не согласных с негативно бытующими устоями. Обособление, параллельное противному убеждению, в лице Аннушки, Машеньки, Ивана Бедросовича и Германа Семеновича – героев повести, откроет вам, в процессе знакомства с ними, их внутренний мир. Возможно, именно они укрепят убежденность: в стремлении к очищению общества - вы не одиночки

© Мерзлов А. А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Мерзлов

Паттеран

Писатель, академик, почетный профессор МАНИ, Анатолий Мерзлов, знакомый нам по многим другим социальным темам, представляет очередную социальную повесть в двух частях.

Аннотация

В преобладании своем, мы живем в закрытой от внешнего мира оболочке, стараясь не замечать отклонений, от принятой для себя нормы, порой, понимая, все же миримся с негативом и бескультурьем окружающим нас. Поистине: горе обухом не перешибешь, тем более в одиночку. А ведь только сообществом личностей, одинаково толкующих моральные ценности, противопоставляется сила, способная создать противодействие злу. В своей повести Анатолий Мерзлов открывает нам мир тихих незаметных людей, живущих среди нас, и не согласных с негативно бытующими устоями. Обособление, параллельного противоположному убеждению, в лице Аннушки, Машеньки, Ивана Бедросовича и Германа Семеновича – героев повести, откроет вам, в процессе знакомства с ними, их внутренний мир. Возможно, именно они укрепят убежденность: в стремлении к очищению общества - вы не одиночки

Анатолий Мерзлов

ПАТТЕРАН

Часть 1

Тридцать пятый день осени

- Как перестать беспокоиться и начать жить? - задал себе этот вопрос сегодня, в тридцать пятый день осени, в том крайнем пограничном состоянии, когда в безысходности человеческий мозг способен превратить твоё брэнное тело в любое из нештатных физиологических состояний. Так обычно случается: однажды, нежданно волчья крайность замыкает тебя флажками от вчерашнего мира. Владея определённой внутренней организацией, можно предвидеть наступающую крайность, но коварный круг сужается обманчивыми размерами, до последнего момента оставляя в мечущемся сознании просвет, в надежде на свои, какие-то, не свойственные большинству, особенности. Твоя исключительность держится в мыслях, исподволь, про запас на самый крайний случай. Может быть, в надежде на дремлющее благоразумие окружения?!

В наступившей катастрофе, сегодня, этот последний выход, встретил туннелем чёрных дыр, готовых плюнуть в лицо пороховым сгустком несбывшихся иллюзий. Блуждающее в крайностях пограничного состояния, в путанице закономерностей, сознание всё же пытается в последнем смыкании флажков найти тот единственный, пока невидимый выход.

...Встал утром бодрее, чем обычно, без раздражения вчерашним.

Юбилейная дата - круглая после пятидесяти. Она не всегда радует. Кто прошёл этот беспокойный рубеж, тот поймёт без особых уточнений, как тяжело рассуждать на подобную тему. Сумбур мыслей автоматически отключил систему мировосприятия. Встряхнулся, пришёл в себя. Толкотня очереди вынудила к действию. Раскрыл список покупок.

- Шевели винтиками, папаша.

- Пусть подумает, - а ну, сле-дуция-яй.

Изморосью ударило по лопаткам, замельтешило перед глазами.

- Эт-та, я готов... Торт мне нужен...

- Совсем народ ополоумел. Здесь мясной отдел - сыры ещё есть, кто плохо соображает, как там вас?!

- Да, да и это. Вспомнил... буженины - 150 грамм.

- Шевелитесь, народ, сегодня какой-то кошмар на миллиграммы.

- Колбаски «московской»... мне бы... - 200 грамм, сыру «Российского», его - 180 грамм; фарша бы ещё - смешанного. .. с полкилограммчика.

- Вы чё, дядя, на младенца берёте? Ускорьтесь - народ ждёт, - дирижировала ситуацией разбитная пухленькая продавщица.

Упрев от напряжения, вырвался на воздух - глотнул порцию с запасом. Выхватил у раскрасневшейся торговки, сомнительной опрятности, торт, и с облегчением двинулся к выходу. В проходе получил толчок по ногам.

- Если плохо видишь, зачем ходишь один?!

Извинился, хотя не видел своей вины, с ощущением наступившей свободы выпростался из базарной толчеи на простор.

Пошёл стороной, вдоль длинного ряда пустующих скамеек. Аллея замерла ожиданием - всё располагало к отдыху мысли, а глаза что-то искали и... находили в сгущающейся неопределённости небосклона.

Стараясь противиться изо всех сил знакомому, наплывающему безразличию, ворочал неподдающиеся жернова мысли, попытался кинуть их в крайность, проверяя состояние системы на управляемость, подобно спортивному буллиту перед ответственным виражом. Наверное, со стороны это выглядело комично. В тот миг был весьма далёк до осмысления своих действий. Вернулась память в осязаемую действительность стихами, всплывшими чудесным образом из неведомых глубин:

И если сумеете вы заронить, в толпу искорку счастья.

*Никто вам не смеет тогда говорить,
что нету в вас к ближнему участия.*

Они предохранительным клапаном стравили зарождающийся в голове вулкан.

Мысли застучали в голове, как камешки в погремушке:

«Не отстанут ведь, проклятые, пока не вспомнится автор стихов. Тютчев?

Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора...

Всплакнуть бы от прямого попадания. Здесь класс налицо — там матёрости маловато. Поиск, становление личности. Не женщина - точно, им не подвластен страх за ошибки. Кто же тогда?!

Отвлечённый приятной задачей, поднял голову - хрустнуло в позвонках, повело в глазах, сместило в пространстве сиротливые кроны платанов. Как страстно верующий молящими руками, пронзили они беспечную осеннюю прозрачность. Редкие отжившие листья сорвало набежавшим сквознячком, закутило в последнем хороводе тихого праздника.

В эту пору задохнуться бы чистотой, набрать воздух полной грудью, без всякой опаски втянуть его со свистом и долго не отдавать - до поры глубокого проникновения редкой осенней невинности в твою самую тонкую сущность. В эту пору можно не опасаться проглотить назойливую мошкару, или ещё чего, поймать сезонную бациллу.

Жизнь нам даётся, может быть, для состязания со смертью...

Поймал! Конечно, Бунин! Иван Алексеевич, простите сразу не признал.

В стороне от дороги, под дубом,

Под лучами палящими спит

В зипунишке, заштопанном грубо,

Старый нищий, седой инвалид.

Беспокойство, подпитанное раздражением, засело в центре солнечного сплетения. Глубокий вдох с резким выдохом, как раньше, внедрение в себя отвлечённого образа - сейчас помогало с трудом.

- Обстоятельства политической конъюнктуры не предвещают близких обвальных перемен, и авоська - не увесистая, но ощутимая, ласкает под коленом, похрустывая содержимым. Что ещё надобно для тихой жизни без оглядки?! - пытался успокаивать себя.

Группка стариков на скамеечке, выбранной в заслоне ствола векового исполина, руками у подбородков решала неразрешимую шахматную задачу. Со стороны казалось: все прочие решения у них не оставляли сомнения.

Неуёмная жизненная сила дерева вздыбила стройный рисунок тротуарной плитки. Мысли, как искромётные змейки, неуправляемым ознобом пробегали по коже головы: «Пытается отвоевать утраченные возможности?! Скоро подрубят твою назойливую неуёмность. Сравняют с лица земли твой строптивый не угомонившийся корень. И конец твоей беззаботной «песне». Не осилишь ты с весной нового побега, а лишь замочкуешь обрубок в надежде на благоразумие. А всё же заражённый всеобщей страстью весеннего обновления, рванёшь ты набухающей почкой, ан, надорвёшься непомерной тяжестью. Иссохнет твоя ветвь - одна единственная, но именно та, что зависла немой дугой над укромностью стариков...»

Задумавшись, споткнулся о неровность и побрёл дальше, обласканный авоськой под коленом, с мешающей инородным образованием мыслью: «Как перестать беспокоиться и... начать жить...»

Дорогу пересёк кот. Озирнулся, сверкнул исподлобья недовольством - весь чистенький, в ошейничке гламурном – чёрный, чертяка! Ждать неудачи. Эх, хуже, что имею, не будет.

Не имея глубокого суеверия, а лишь декоративное, подсмотренное в окружении, сплюнул через правое плечо мысленно, кинул глазами по диагоналям, и с непонятной самому себе предосторожностью переступил зловещее пересечение.

- Здравствуй, уважаемый! Ты чё это себе под ноги глядишь? Мало тебе того, что нашёл? - обозначился сосед по жилью, протягивая панибратски руку.

Намного молод, а руку тянет первым?!

Скореежившись изнутри, как лист, брошенный в огонь, руку всё же подал.

- Выглядишь не айс, заморённый какой-то. Что-то мучит?

Шестерёнками в голове скребанула мысль: «Раздражённый тон, пустота и хамство - не первые сегодня проявления. А хватит ли моего платочка на ещё один оскверняющий роток?»

Сосед царапнул авоську цепким взглядом.

- Мясо потребляешь? Ещё чего там?

Вибрация прошла по груди, но выдержал паузу - негодование улеглось.

- Потребляю, это странно? Пока могу себе позволить! - парировал с трудно скрытым раздражением. - Тебя, с

твоим «накоплением» (тронул пальцем его объёмный живот), наверное, ничего не мучит, сытнее ешь? - остатками воли отбросил накатившее раздражение, как избавился от тяжёлого наваждения.

- Не-е, я из мяса - одну рыбу позволяю, - ответил, не заподозрив иронии, собеседник, - по случаю ещё винцо потребляю, правда, как лекарство, для расширения сосудов, чтобы мозги лучше варили. Ресторан, заправка, участков... штук десять - без мозгов этого не поймешь. И дальше... двигаюсь в правильном направлении. Ладно, телепай, что-то ты позеленел весь... дают годы? Несчастный... неужели, и меня такое ждёт? Сдаешь ты прямо на глазах.

Парочка воронов встрепенулась в кроне над головой, зашлась недовольством в тональность пустому диалогу.

Сателлиты тёмных сил. К вам у меня нет претензий. Вы есть независимые от моей воли включения.

А вот эти - неистребимые атрибуты!?

Она зыркнула по сторонам. В лице страсть... нескрываемая, пагубная - тряпка иная, брошенная, чище покажется.

- Угомонись, ты, слышь, всё по закону. Кому какое дело, что у меня в пакете? Культурно отдыхаем. Женщинам у нас почёт. Давай, свой - первым...

Выпили, закусили взасос.

- Правда, дядя? Чё уставился. Не нравимся? И ты нам тоже совсем не в тонус. И тогда что? Перекладывай, сердешный, руль по другому курсу.

Пискнули за спиной тормоза.

Оперативны как вы, братцы. Всё, как положено: Полиция. ППС.

Перемял в руках авоську, невольно завис ожиданием: неужели увезут, спрячут от свободного обзора? Видят внимание - явно мешкают.

- Всё в норме, начальник: во-о - пакетик, не в-выражо-о-вываемся... громко, за присутствием детишек строго сечём, голову даю: все будет чики-чики. А эти? Это же не дети, пардон - подвинки, сами нас затронули. Делаем устное заявление: обложили тройным сквернословием. Дай им волю, так скоро места от их свободы не останется тихим гражданам. Ваше здоровье!

- Философы-алконавты, не рисуйтесь в этом месте. Поступит сигнал - будем воздействовать. По.. ли, да?

- Начальник, ей, как только, так сразу. Мы всё пони- мам...

Велосипедист ухнул в просвет со свистом между плечом и стволом: кепи вихрем свернуло вбок. Схватилось от внезапности сердце. Зашуршало под ногами палой листвой. «Осень. Насыпало в одну ночь - дворники не успевают».

- Ты чё, дядя, охренел? По-твоему я здесь развлекаюсь? Работу чужую уважать надо, стороной ковыляй, «потребсоюз» долбаный.

Подъём домой, на этаж, разогнал сердце. Ткнул авоську куда придётся - скорее на диванчик.

«Фу ты, расшалилось».

Телевизор в разрыв связок сам по себе. Подошёл - ударил с досады в кнопку.

- Я слушаю - тебе мешает?! - донёсся из кухни, с перебором недовольный голос жены, - осталась одна радость.

- Завтра посмотришь. Не-хо-ро-шо мне...

- Тебе всегда что-то не так. Никакой личной жизни. О театре уже и разговора нет. Обещался на Байкал, в путешествие какое ещё - долго приходится ждать. Последнее отнимает!!!

Рванула с нескрываемой злостью, выскочила восвосяи - гуднула косяком двери.

Смежил глаза.

О, счастье!

Угомонилось в груди, улеглась кипень, просветлело в тягучих мыслях...

В раструб открытой фрамуги вгрызлось магнитофонное:

Зачем смеяться, когда сердцу больно,

Зачем встречаться, когда ты с другой.

Задребезжало стёклами:

Зачем играть в любовь и притворяться...

Схватился, не помнил, как, в распояс - сбежал вниз. Втёр в круговерть кулаком ненавистный капот. Сдержал, прущий из недр крик.

- Можно потише, уважаемый?

- Ты чё, опух! Сам ты «уважаемый». Если по ушам вот так же пройду, вся тырса затрухляевшая высыплется... Отойди от техники, не погань. Мне громко в кайф, понимаешь?! Спать будешь ночью. Иди, кому хоть бреши - сейчас демократия, - и уже отошедшему сквозь зубы, - ушло ваше рамочное времечко.

*И по камушкам, по кирпичикам,
доберётся домой как-нибудь...*

- Не оглядайся, давай, давай, волочи ножки по своему маршруту. А то ведь могу и не так культурно, по-другому - направить.

Успокоил себя: «Утомись ты, всё это сопутствующая порода - оботрётся, отсеется временем - дальше драгоценность пойдёт». И тут же себе зло усмехнулся: «И ты этому веришь?!»

...Узкая улочка кружила в гору - мелькали неотчётливыми размывами высотные дома, попеременно сказочные домики. Изрытый асфальт перешёл в грунтовку, дорога, спотыкаясь в неровностях, полезла выше. С высоты горного массива тянуло хвойным настоем. Сзади знакомый пейзаж: город под тобой, небо над морем, изборождённое огненными полосами заката, думы на дальней границе, пологий холм, ярко обозначенный жёлтыми пятнами осин.

От кого бежишь? Там, внизу - мой дом, моя обитель, выстраданная временем.

Взгляд замкнулся: дорога упёрлась в крутую насыпь. Протоптанная стёжка уводила вправо - в отдалении терраска тропы.

Засаднило под лопаткой, вгрызлась буравчиком тупая боль навывлет нелепым грузом. Через разбросанные в беспорядке брёвна, в просвет колючек, головой, как тараном, вперёд.

Шалишь... не остановишь.

Сзади что-то держало - рванул наваждение...

- Сколько можно шастать по чужим владениям?! Ату его! Куси!

Изрыгающая пену морда выросла на пути, дохнула в лицо горячим перегаром перебродившей муты. Глаза в глаза - два остановившихся взгляда, два закисших безвыходных болотца напротив - проседь до ушей.

- Свой я, пошли со мной, старик?!

- Ворьё ненасытное! Куси его, Джек, куси!

Язык в белёсом налёте завернул в вялую петлю капель клейковины - остывшие зрачки виновато отвернули.

- Пошли, Джек, там другая жизнь, там и твоё спасение... Не хочешь? Боишься потерять последнее? Спасибо за сострадание, а мне вперёд!

Проносились мимо автомобиля. Ударило в лицо россыпью расклочкованной бумаги - закутило вихрем чьи-то невысказанные мысли, а может послесловия.

Призыв, или отчёт?

Через ленту шоссе - вперёд! Завертелась карусель лошадок - заняла пицаль сопровождения.

На пружине подстилки из иголок попробовал отдышаться - в просвете унылых сосенок замельтешил под-желтившийся подлесок. Где-то там тропа. Изогнулся червем, обезболил тупую назойливость. Не рви, дружок, на опережение. Всё никчемное уже позади.

А оно - людское, опостылевшее, посверкивало далеко внизу искрящимися соблазнительными зайчиками объёмных витражей.

Как легко идти по настилу слежавшейся хвои...

Буравчик лез глубже, в ногу, камнем высверливал в спине.

На границе подлеска тропа змеей уходила к вершине.

Победа, если хватит сил - счастье, если познаешь с высотой истину!

Приземистый грабельник сменился тронутыми осенью, извращёнными тяжёлым существованием, дубками. Валун, на котором оставил когда-то вязь цифр - неприкаянно живой, на своём месте, загустившийся с севера мхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.